

18+

Людмила Харсун

Из шкатулки
Амандельгиды

Людмила Харсун

Из шкатулки Амандельгиды

«Издательские решения»

Харсун Л.

Из шкатулки Амандельгиды / Л. Харсун — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-514182-8

Смерть бывает разной: внезапной, печальной, откровенно криминальной, а может быть она вызовет вздох облегчения. В этой книге утрата конгруэнтна сближению. Так бывает? Видимо, да. Тогда что делать, если ты назначен проводником?

ISBN 978-5-00-514182-8

© Харсун Л.
© Издательские решения

Содержание

Манускрипты	6
Амандельгиды Хоффманн	6
Мой сосед саксофон	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Из шкатулки Амандельгиды

Людмила Харсун

Фотохудожник Ульяна Харсун

© Людмила Харсун, 2020

ISBN 978-5-0051-4182-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Манускрипты

Амандельгиды Хоффманн как внезапное отражение меня самой

Спросонья я немного удивилась... Да и было, пожалуй, чему...

Неожиданный звонок ранним утром – никто из знакомых так рано меня обычно не будит. Но там, откуда этот звонок был сделан, поднимаются рано, с рассветом, а зимой еще до него. Так сложилось за долгие столетия. В этих небольших зауральских поселениях традиции как будто заморожены. Я даже не могу определить степень родства того, кто звонил – какой-то давний.

– Приезжай. Срочно! Не стало Модеста, ушел сегодня ночью.

Аха! Значит, у них уже утро.

Модест был ровесником и другом моего деда, а значит, к сегодняшней ночи ему должно быть около девяноста пяти или девяносто семи. Что ж, хорошо пожил, долгая жизнь без болезней. Трех жен пережил. И, говорят, сохранял оптимизм и жизнелюбие до последних дней.

Хотя судьба посылала испытания и ему. Что там говорить! Родился в начале века в семье купцов и считал своим предназначением продолжить дело отца, деда и прадеда, как самый толковый из сыновей обучался в европейских заведениях, чтобы было надежнее без переводчика. Шестнадцатилетним потерял отца и мать. В пятьдесят два женился на Амандельгиде, моей тетушке, и был с нею счастлив. Как его семья оказалась в этой местности, как налаживала быт и строила жилье, основывала свое дело – особый рассказ.

Хотя... о чем я сейчас? Надо ехать. Тем более собиралась туда по своим делам, но все откладывала, дожидаясь подходящего момента. Вот он и наступил.

Наскоро побросала в дорожную сумку вещи – благо, многочисленные командировки научили быстрым сборам. Уже не экономя на стоимости, нашла билеты на ближайший рейс и выскочила из дома.

Сидя в салоне самолета и глядя на вату облаков за стеклом иллюминатора, размышляла, почему же так стремительно сорвалась и помчалась за тысячи километров, бросив все на свете, на похороны человека, который мне не был, по сути, даже родственником, он был женат на моей тетушке Амандельгиде.

Родственником Модест мне не был. Он был больше, чем родственником, – человеком, по которому я определяла свою жизнь. Многие из ситуаций мерила я тем, как бы посмотрел на это Модест, что бы сказал и как бы к этому отнесся.

И сейчас, перебрасывая себя из пространства мегаполиса...

С этой мыслью я заснула. Скверное это дело – спать в самолете. Ноги, скованные узким пространством эконом-класса, затекли. Голова была тяжелая, сон не освежил, только дал видение, которое я буду вспоминать потом как некий знак. Я увидела какой-то ящичек, вынутый из пыльных семейных глубин. Что в нем было, я увидеть не успела. По сюжету сна я приняла его в свои руки, почему-то бледные и слабые, в браслетах на тонких запястьях, каких у меня никогда не было. Я не видела, от кого принимаю увесистый предмет, но явственно слышала мягкий женский голос: «Только тебе... Только тебе!» Я не поняла на каком языке звучали эти слова, но голос был мне хорошо знаком. Только потом я поняла, кому он принадлежал...

Самолет тряхнуло при посадке, и я очнулась от сновидения с ощущением этого предмета в ладонях, тяжелого, немного шершавого, слегка покрытого пылью. Но липкий сон надо было стряхнуть, потому что предстояло продолжение поездки, автобус, потом такси. Словом, до дома, где собрались уже родственники, я добралась в темноте. Обнялась со всеми, тихо всплакнула возле Модеста, чья телесная оболочка изношенным платьем лежала посреди гостиной... Совсем не хотелось верить, что хозяин бросил это тело за ненужностью и бесплотным духом витал возле него.

Но сил на философские раздумья у меня не было, и тетушка Ангелина, которую любили в семье за кротость и готовность помогать всем и каждому, повела меня ночевать к себе на другой конец поселка. Дорога вела через весь поселок, вдоль заборов, каких-то плотин, по деревянному мостику над бурлящей водой, до дрожи обдававшей ноги острыми брызгами. Если бы не Ангелина, державшая мою руку, я вряд ли смогла бы добраться до места в потемках.

Но с ней, уверенно ступавшей по дощечкам и камушкам, мы пришли наконец в ее добротный дом, никак не намекавший на унылый сельский быт. Позднее я увидела то, на что не обращала внимания в свои прежние приезды сюда. Видимо, в давние времена здесь жили люди зажиточные – все дома, построенные еще в позапрошлом веке, были на каменном основании. Лишь вторые этажи их был из крепкого деревянного бруса, прекрасно сохранившие свой вид и устойчивость, ухоженные и основательные.

Наскоро перекусив, я упала на приготовленную мне постель и погрузилась огромную пушистую подушку и в теплый умиротворяющий сон, который был бы сладок, если бы не печальные события.

Утро в поселке, где я не была лет семь, было хмурым, как и мое настроение. Разумеется, и повод находиться здесь был совсем не радостный. Тетушка уже умчалась помогать с похоронами. Меня же терзала некая двойственность – погружаться в тягостную похоронную атмосферу мне не хотелось, потому что покойник сам по себе был человеком жизнерадостным и, к тому же, большим выдумщиком. Но и пренебречь ритуалом проводов в другую, неведомую, неясную жизнь, в область, которую в давние времена называли навью, я не могла.

Налив себе чашку чая из затейливого чайника, стоявшего на газовой плите, я вышла на высокое крыльцо и присела на ступеньку, задумчиво глотая теплый чай, заваренный Ангелиной по-особому, со смородиновыми побегами, которые сушила весной. Тонкий аромат смородины немного поднял мне настроение. Да и вид поселка, где я провела столько счастливого времени, проросшего во мне творческим началом, успокаивал и давал сил. Зеленый луг, еще покрытый дымкой майского утра, стелился передо мной, и дальний край его пропадал в этой дымке. Если бы я не знала, что луг этот ведет к заиленному старому пруду, то ни за что не смогла бы догадаться, что в прячется в молочном тумане, казалось бы, плотном на ощупь и пахнущем влагой. А скрывались там несколько древних ив, полоскавших свои плетистые ветви в мутноватой весенней воде, пара лодок, уже спущенных на воду местными рыбаками, плотина с дощатым мостком через пруд. И та часть поселка, откуда привела меня вечером добродушная Ангелина, чье имя вполне соответствовало ее ангельскому характеру. И дом, в котором я провела много счастливых часов своей жизни, дом, в котором сегодня совершается важный ритуал, который когда-то назывался тризной.

Вокруг умершего тихо толпились родственники и соседи, почтительным шепотом говоря о покойном. Тихо горела свеча из местного храма. Мне казалось, что я вижу некую нематериальную субстанцию, замершую под потолком и ожидавшую времени отлета из родного дома.

Я усмехнулась своему видению. Видимо, в памяти всплыл рассказ о том, что души после выхода из тела пребывают на разном удалении от своего покинутого земного вместилища. До погребения тела – возле него, потом – все дальше и дальше, выше и выше, и лишь после годовщины смерти оказываются в иных светлых мирах, где им становится радостно и спокойно. Если, конечно, в земном своем воплощении вели жизнь светлую и спокойную. Этим объясняли мне и даты поминок, в основном совпадающие в разных верованиях.

Ангелина словно очнулась, вспомнив что-то важное. Жестом подозвала она меня к себе, и я медленно и уважительно прошла из торжественной гостиной, превращенной сегодня в зал прощальных церемоний. Тетушка стояла на ступеньках узкой лестницы, ведущей в мезонин, или, как называли его хозяева, горницу. Я хорошо помнила эту горницу с ее запахом каких-то трав, кружевными салфетками, связанными руками Амандельгиды, а может быть, ее матери, которую я не знала, но слышала рассказы о ней от самой давно упокоившейся тетушки Амандельгиды. И сейчас мне казалось, что войдя в этот мини-храм, где тихо обитал ее дух, я совершу страшное кощунство.

Чуть улыбаясь и кивая мне, Ангелина отступала шаг за шагом по крутой деревянной лестнице. Убедившись, что я, несмотря на сомнения, поднимаюсь за ней, она повернулась и двинулась привычным и безопасным способом.

В горнице все было так же, как при хозяйке, – чисто застеленная узкая кровать с кружевным подзором и пирамидой подушек под накидкой с таким же кружевом, как и на подзоре. Кружевные занавески на окнах – я сразу вспомнила, что наличники снаружи тоже покрыты резьбой, как у многих в этом поселке. На белоснежной тюлевой занавеси сидел полупрозрачный паучок. Мне подумалось, что он принес какую-то весть издалека. На столе, покрытом скатертью, лежала толстая потрепанная книга с закладкой посередине, словно читавший ее только

что отлучился ненадолго. Библия! Кто прикасался к ней последним? Модест? Думая о встрече с супругой, готовился к ней – читая библию? Было бы любопытно, взглянуть... Но прочь, неприличное любопытство!

Я вспомнила, что Амандельгида была католичкой, но не демонстрировала своей веры посторонним, а придерживалась ее канонов искренне и без фанатизма. На чисто выбеленных стенах, как положено, распятие и несколько пожелтевших гравюр в аккуратных тонких рамках, насколько они хороши, я поняла только сейчас. К запаху трав, знакомому с детства, примешивался еще какой-то тонкий и непривычный аромат. Позднее я пойму, что это запах корвалола, который принимал Модест после ухода Амандельгиды – он так и не смог примириться с потерей. Сколько он продержался без нее? Год? Полтора?

Пока я рассматривала обстановку, Ангелина смиренно стояла в стороне, горестно покачивая головой. Я глянула за окно – вот он пруд с мостком, пара дощечек выбита и держится на одном гвозде. Струи воды переливаются через запруду и легко играют, пенясь и бурля. Вода еще не спала после таяния снегов. А за прудом луг, уже освободившийся от утреннего тумана и покрытый одуванчиками, веселыми в любой день и в любую погоду. За сиянием непритязательных цветочков – добротный дом самой Ангелины, где я провела предыдущую ночь. Окна его тоже в обрамлении деревянной резьбы. Странно, что я не замечала их в свои прежние приезды. Воспринимала эту красоту как нечто естественное? А сейчас вдруг поняла, что эта красота была со мной всегда, что уезжая отсюда я увозила ее с собой, в себе, внутри себя. И может быть, и очаровывалась я не внешним, не пейзажами, а оказывалась под обаянием людей, с которыми проводила время. Свое счастливое время!.. Пытаюсь переключиться и перевожу взгляд... Моя добрая провожатая уже держит в руках какой-то предмет, довольно большой, прямоугольный и темный. Руки напряжены – видно, что увесистый... Где же я это видела?

– Вот. Сестра сказала, что это тебе. Только ты сможешь это применить. Она давно оставила эту шкатулку для тебя, муж еще жив был, только он никак не мог расстаться с ней. Память ведь! А сейчас... – Ангелина горестно всхлипывает, и тут я понимаю, что ни она, ни я не пролили еще ни одной слезы, а ведь повод-то какой.

Что это? Перевожу взгляд на то, что Ангелина держит в руках. Так вот почему это показалось мне знакомым. Я видела его, когда так неудобно заснула в полете. Прямоугольный деревянный ящичек с вырезанными на нем орнаментами из то ли трав, то ли листьев. Сразу не разобрать.

Бережно принимаю амандельгидину шкатулку, как в том сне. Оказывается, он не настолько тяжел и будто бы с готовностью ложится в мои подставленные ему ладони. Органично и просто, словно мы встретились с этой шкатулкой после долгой разлуки. И я уже знаю, что там внутри. Там внутри кусочки большой жизни, не всегда простой, но всегда достойной. Какое знакомое ощущение на пальцах! Я держала эту шкатулочку много раз. Я осторожно открывала ее и оберегала от недобрых или даже просто небрежных взглядов, как оберегала от них, собственно, и свою жизнь, молча сторонясь тех, кого считала недостойными.

И сейчас, держа этот клад в руках, я чувствовала себе Амандельгидой, урожденной Хоффманн. Моя спина выпрямилась, подбородок остро приподнялся, а затылку стало тяжело от обилия рыжеватых волос, высоко поднятых и сколотых длинными шпильками. Я невольно свела лопатки и пятки, как некогда учили в гимназии. Кажется, даже запястья у меня стали тоньше – как в том моем сне.

Я сделала глубокий вдох, задержала дыхание, как перед прыжком в воду, и... открыла шкатулку.

Нет-нет, навстречу мне не выпрыгнули хохочущие медвежата или веселые золотые рыбки. И не разлилась спрятанная за деревянными стенками радуга, озарив помещение, как это порой случается в фильмах-сказках. Но все же что-то изменилось вокруг меня, а может быть, во мне самой.

В темном чреве ящичка, таящего аромат старого дерева и выдохшихся фиалковых духов, пряталась потаенная жизнь женщины. Не просто женщины... а как бы это сказать?.. Воспоминания, мысли, иллюзии, фантазии, запечатленные в предметах, открытках, записочках, небольших манускриптах. На первый взгляд этом не было какой-то особой тайны. Но это не предназначалось для посторонних глаз, как не предназначаются для случайных ушей истории, от которых когда-то сильно билось сердце. Это была шкатулка, полная историй. Откуда они пришли к Амандельгиде? Где они случились и как попали к моей родственнице? Что в них правда, а что – вымысел?

Нерешительно перебираю содержимое шкатулки... Так вот какая ты, Амандельгида! Внешне сдержанная, лишенная показной сентиментальности, порой отстраненная – это для тех, кто знал тебя только снаружи. Но почему ты выбрала меня? Видимо, неслучайно. Видимо, почувствовала большое внутреннее родство и решила, что я найду применение тем секретам, которые ты не пожелала унести с собой.

Кто ответит на мои вопросы? Или же я должна искать ответы на них в одиночку? В любом случае я должна попытаться. И я попробую найти эти ответы и выполнить неназванную просьбу. Но для начала я должна поговорить с ней, ведь она здесь – в этой своей шкатулке. Дух ее, почему-то не ушедший из материального мира, требует от меня некоего соучастия. Пусть оно будет. Спасибо за доверие, Амандельгида, я принимаю его!

Погруженная в раздумья, я не сразу заметила движение времени, и что мой ангел хранитель с тем же именем тихо вышел, оставив нас наедине. Да, сдержанность и деликатность в этой семье считаются важными качествами. И я буду этому соответствовать. Но, кажется, я повторяюсь...

А сейчас я преодолею растерянность, нахлынувшую на меня и начну то, чего хотела от меня она, – я выберу то, что уже можно опубликовать. Возможно, это просто игрушки, которыми тешила свой разум зрелая дама. Но так ли они бессмысленны, чтобы отвергнуть их? А может быть, это некое вступление к теме, которую я пока не разглядела в ворохе рукописей? Прелюдия к грандиозной опере, способной тронуть людские сердца?

В любом случае моя тетушка обратилась ко мне неслучайно. Я должна трепетно выполнить ее завет, даже если мне пока непонятен смысл ее посланий. Но я пойму, я постараюсь. Дай мне силы, Амандельгида!

Да, я сделаю это. В союзницы и соавторы нам с Амандельгидой я возьму Ульяну. Ее фотографии лучше всего отразят дух и смысл написанного. Ведь отразить дух и смысл важнее, чем буквально проиллюстрировать текст.

Итак, фото в книге – от Ульяны Харсун, моего любимого фотохудожника, тонко чувствующего вкус и запах бытия.

А дальше... Дальше будет видно.

Мой сосед саксофон

Я так полюбила его – этот звук, плывущий в открытом пространстве и плещущийся по ветру, как полощутся на по воздуху легкие флаги и ленты в девичьих косах. Теплыми летними утрами он возникал в суете мегаполиса вначале неуверенно и робко, словно встраиваясь в резкие неровные вибрации проезжающих автомобилей. И лишь потом набирал силу и уверенность, подчинял себе все остальные звуки и шумы. Он проникал ко мне через окна, едва приоткрытые, застенчивые, избегающие прямого контакта с громкой улицей.

Мелодия постепенно нарастала и становилась будто бы более осязаемой, плотной, упругой. На высоких нотах звуки ее заставляли мое сердце взмывать вверх, подкатывая к горлу, и сладко падать куда-то в область живота на низких. А по животу, груди и сгибам локтей словно кто-то водил перышком – так было щекотно и сладко.

В этом потоке я слышала отсылки к Луи Армстронгу и аранжировки Джеймса Ластва, то Кенни Джи незримо плыл на волнах своих интерпретаций, то включался родной наш Корнелиук. Набрал силу, композиции перетекали из одной в другую без пауз. Казалось, невидимый саксофонист уже не может остановиться. Порой, отойдя от основной темы, музыкант выдавал неистовую импровизацию, спиралью возносившуюся к изумленным небесам. И эта импровизационная неровность давала надежду на некую иллюзорную свободу. Да, свободу, такую желанную и такую опасную.

И включалась моя фантазия, я представляла задумчивого музыканта. Он был высок и осанист, но не той искусственной актерской прямоотой корпуса, которая нужна людям, чтобы спрятать за ней свою неуверенность. Он был прям по рождению, благородство которого позволяло ему не думать об осанке и прочих внешних вещах. Он был прост, аристократически прост, он не придавал значения мелочам и деталям.

Едва ли не каждое утро в теплые времена он выходил на открытую террасу X-плаза, комплекса, созданного для развлечения людей высоким искусством. Он хотел поделиться с городом и миром красотой, проявленной в музыке. И еще для собственного удовольствия играл он часами под внемлющим небом, пока солнце не уходило за причудливо бликующие крыши.

Порой он останавливался передохнуть, встряхивал головой и окидывал с высокого лба прядь волнистых темных волос, едва подернутых сединой. Он сам был воплощением музыки и продолжением саксофона. Даже, в какой-то степени, инструментом своего саксофона, если такое возможно.

Моя фантазия продолжала рисовать картинки. И в этих картинках тот, чья фамилия дала название развлекательному комплексу X-плаза, один из великой актерской династии, худрук театра, основанного еще его гениальным отцом, сидел на той же открытой террасе, уставший от несовершенства этого мира, такого прекрасного и такого порочного, и от его людей, таких несовершенных. Он часто сидел на этой террасе, отрешившись от бренного, и в архетипически печальных глазах выражалась вся мудрость его нации.

Актер размышлял о многом – и о театре, ставшем домом и радостью, его крестом и наказанием, и об учениках, в которых он зачастую черпал молодую энергию, и не дававших ему поддаться усталости окончательно, о вещах глубоко философских и делах приземленно-будничных.

Чем реже ему удавалось найти минуты полного покоя, тем больше они давали ему удовольствия, и он приходил на эту террасу, и сидел несколько минут воспаряя над шумом города, в стороне от своей школы искусства, от руководимого им театра, в котором он и играл, и режиссировал, и руководил. И в этом расслаблении зачастую приходили самые неожиданные мысли и самые свежие решения.

И еще он любил эти звуки саксофона. Его тонкие слух ловил, конечно, легкие диссонансы, но в целом это была качественная и вдохновенная работа. Что-что, а настоящее вдохновение актер отличал. Чувствовал его безошибочно. Он даже подумывал поставить одноактную пьесу с участием саксофониста и собственно саксофона, такой моноспектакль, полный душевных терзаний, неосуществленных мечтаний, невоплощенных амбиций. Этот спектакль должен быть наполнен настоящей музыкой и человеческим теплом. На него должны прийти взрослые зрители, составлявшие многолетнюю основу аудитории его театра. Да, его театра.

Возможно, он думал об этом. И подносил к иронично искривленным губам – ну, несовершенен мир! – чашку с кофе, крепко зажав ее пальцами небольшой, но твердой руки. И кофе тоже был крепок и горяч, как и положено. Или нет, он подносил к ироничным полным губам бокал с розовым вином. Почему с розовым? Потому что розовое – на полпути между красным и белым, а значит, выражает всю полноту полутонов, все изящество градиента. А скорее всего, просто потому, что я люблю его сама, предпочитая и красному, и белому. Эту утомленную полу-улыбку я видела, время от времени пересекаясь взглядом с актером в каком-либо из обширных помещений X-плаза.

Раз за разом картины, нарисованные моим воображением, сводили саксофониста и актера все ближе, усаживали за обсуждение спектакля. И вот они уже вместе пьют кофе на террасе, а потом саксофонист наигрывает мелодии к спектаклю. Но это, пожалуй, лишнее. А пока над асфальтом и потоком автомобилей, в смоге мегаполиса, неся свежесть и моменты счастья на пыль улиц и в мои окна, лились звуки саксофона, уже ставшего моим соседом, другом, удовольствием и эмоцией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.